

В полумраке сырого архива старый ручной фонарь, найденный Лин Яо у поста медсестры, испускал лишь тусклый, дрожащий свет. В луче кружились пылинки, с трудом очерчивая пространство в полметра, остальное же поглощала густая, осязаемая тьма. При каждом колебании фонаря их с Е Жанем тени метались по запыленным стеллажам, словно рваные лоскуты ткани, извиваясь и дрожа, будто затаившиеся в тенях чудовища.

— Нашел! — Лин Яо понизил голос до шепота, но не смог скрыть охватившего его волнения. Его пальцы слегка подрагивали, когда он коснулся страницы журнала регистрации, пропитанной черно-бурыми пятнами крови. Осторожно, чтобы не повредить бумагу, он извлек из переплета аккуратно сложенный пожелтевший лист. Края изъела моль, бумага стала хрупкой, но чернильные строки оставались четкими. Это было оно — покаянное письмо директора, которое они искали по всему зданию.

Е Жань тут же подался вперед. Его напряженные плечи немного расслабились, и он уже хотел улыбнуться, но тут же поморщился от боли: ссадина на щеке отозвалась резким уколom. Пытаясь забаррикадировать дверь архива, он принял на себя десяток тяжелых ударов, и теперь его руки ныли от нестерпимой усталости.

— Читай скорее, — выдохнул он. — Кто этот негодяй, превративший больницу в сущий ад?

Лин Яо развернул письмо, направив свет фонаря на текст. Его голос по мере чтения становился все холоднее:

— Больница Милосердия никогда не была местом спасения, это бездна греха, которую я вырыл собственными руками. Чтобы подтвердить безумную теорию о клетках бессмертия, я, пользуясь положением директора, проводил бесчеловечные опыты над тяжелобольными из третьего корпуса...

На этом месте он запнулся. В складках бумаги, казалось, виднелись засохшие следы слез.

— Препараты вызвали жуткие мутации. Пациенты стали свирепыми и кровожадными, они раздирали собственную кожу... Я испугался, замаял дело, полностью изолировал третий корпус и оставил их гнить и выть в темноте. Все эти годы я каждый день слышал их плач, слышал, как они проклинали меня, называя палачом...

Письмо обрывалось. Последние слова были написаны неровно, чернила расплылись, словно автор в момент написания был схвачен чем-то ужасным.

Холод пробежал по спинам обоих, и даже свет фонаря, казалось, потускнел. Это письмо не только объясняло причину мутаций, но и придавало пугающие очертания тем монстрам, что рыскали снаружи. Они не были призраками из пустоты — это были люди, которых когда-то доверились врачам, а те столкнули их в ад.

— Значит... те твари, которых я рубил, были... — Голос Е Жана стал сухим, как наждачная

бумага, скребущая по дереву. Он инстинктивно сжал кулаки так, что побелели костяшки. Возможно, тени, которые он отгонял пожарным топором, когда-то были обычными людьми, ждавшими помощи.

Бам! Бам! Бам!

Железная дверь архива содрогнулась от мощных ударов — более тяжелых и яростных, чем прежде. Существо снаружи окончательно потеряло терпение. Замок перекосило, с потолка посыпалась ржавчина, дверное полотно вибрировало, едва удерживаясь на петлях.

— Нет времени раздумывать! — Лин Яо быстро сложил письмо и спрятал его во внутренний карман. — В письме упоминались третий корпус и изоляция, значит, путь к спасению там! Нам нужно прорваться к изоляционному коридору третьего корпуса!

Грохот!

Не успел он закончить, как раздался визгливый скрежет металла. Дверь под напором чудовищной силы сорвалась с петель и с грохотом отлетела к стене, подняв облако пыли. В дверном проеме показалось нечто, уже не имевшее человеческого облика. Оно состояло из трех или четырех тел, сшитых вместе, в лохмотьях больничных пижам. Из швов на коже сочилась черно-красная слизь, а в торс и руки были вживлены искаженные муками лица. Мутные, белесые глаза вращались, рты беззвучно открывались и закрывались, издавая лишь слабый, горловой скулеж, похожий на писк придушенной кошки. Правой рукой существо волочило огромный, покрытый ржавчиной пожарный топор, высекая искры из бетонного пола.

— Черт! — выругался Е Жань. Инстинктивно он дернул Лин Яо за собой, прикрывая его, и, напружинившись, изо всех сил толкнул стоявший рядом металлический шкаф для документов прямо к выходу.

Шкаф с лязгом рухнул, преградив путь монстру. Но тварь лишь на мгновение замерла, а затем издала рев, в котором слились десятки голосов — звук был таким пронзительным, что заложило уши. Существо взмахнуло топором и обрушило его вниз.

Хруст!

Металлический шкаф разлетелся, словно бумажный. Дерево, обрывки документов и смятый металл разлетелись в стороны. Монстр, тяжело ступая, перешагнул через обломки и ввалился в архив, заставляя пол дрожать.

— Бей по лицам на его теле! — крикнул Лин Яо, лихорадочно соображая. — Чувство вины директора сосредоточено в этих лицах, это его слабое место!

Е Жань не раздумывал. Он издал яростный рык — не от злости, а чтобы подавить страх.

Монстр снова замахнулся топором, лезвие со свистом рассекло воздух, едва не задев щеку Е Жаня. Тот увернулся, и топор с грохотом вонзился в стеллаж, обрушивая его. Пользуясь тем, что монстр занес оружие для следующего удара, Е Жань рванулся вперед и со всей силы ударил в лицо, плачущее на груди чудовища.

Хлюп!

Раздался омерзительный звук, будто лопнул нарыв. Лицо тут же издало пронзительный визг, кожа на глазах почернела и сморщилась, превратившись в сухую корку. Монстр замер, рука с топором повисла в воздухе.

— Работает! — Е Жань воспрял духом и хотел было нанести еще один удар, но тут все остальные лица на теле чудовища одновременно открыли глаза и уставились прямо на него. Боль лишь сильнее разъярила это порождение тьмы.

Монстр стал двигаться быстрее и мощнее. Топор вгрызался в бетон, оставляя глубокие выбоины. В тесном архиве летели щепки и пыль, глаза слезились. Е Жань крутился, стараясь уклониться от ударов и одновременно защитить Лин Яо. Вскоре на его руках и ногах появились глубокие порезы, кровь капала на пол, образуя красные круги в пыли. Он сжал зубы, пот заливал глаза, от потери крови движения замедлились. Один из ударов монстра пришелся ему в плечо, и рука онемела.

Лин Яо, мечущийся в поисках выхода, вдруг замер. Стены были глухими, дверь заблокирована... Его взгляд упал на вентиляционную решетку в задней стене. Старые жалюзи, облупившаяся краска, заржавевшие болты — это был единственный шанс!

— Е Жань! Вентиляция на задней стене! — Лин Яо бросился туда, схватил с пола обломок железного прута и принялся выкручивать болты. Пальцы до крови стерлись о ржавчину, но он не останавливался.

Е Жань, услышав его, нанес чудовищу еще один удар в лицо на его руке, оттесняя монстра, и отступил к стене. Как раз в тот момент, когда Лин Яо выкрутил последний болт и начал выламывать решетку, из глубины коридора донесся звук.

Уа-а-а-а!

Это был пронзительный, леденящий душу детский плач. Звук, подобно ледяному шипу, вонзился в барабанные перепонки. В этом плаче сквозила такая невыносимая злоба, что весь архив содрогнулся.

Сшитый из тел монстр застыл. Все лица на его теле вытянулись, глаза округлились, рты открылись в беззвучном крике — это был первобытный, животный ужас.

Следом за криком коридор накрыла волна ледяного холода, принеся с собой сладковатый запах гнили. Фонарь в руках Лин Яо бешено замигал, свет сменился с желтого на мертвенно-синий, а затем почти погас, едва позволяя видеть лица друг друга.

Лин Яо и Е Жань побледнели. Они чувствовали, как нечто куда более древнее и ужасное, чем этот монстр, было разбужено их возней и теперь медленно приближалось из глубины тьмы.

Решетка вентиляции была снята, открывая черный проход, но, глядя в эту пустоту, они не почувствовали радости. Этот путь к спасению вел в еще более глубокую и безнадежную бездну.

<http://bllate.org/book/18753/1814776>